

Джеймс
Фенимор
КУПЕР

ЗВЕРОВОЙ,
ИЛИ
ПЕРВАЯ ТРОПА
ВОЙНЫ

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
К 92

Перевод с английского Т. Грица
Серийное оформление Е. Савченко

ISBN 978-5-389-06011-1

© А. М. Зверев (наследники), предисловие,
2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

ОДИНОКИЙ ОХОТНИК

Купера всегда читали и теперь читают подростки. Им нравится, что он пишет про индейцев и что в его книгах много захватывающих приключений.

Вряд ли кто-нибудь относится к событиям и героям, волновавшим американского романиста, вполне серьезно. Считают, что он сочинял что-то наподобие сказок. Только действие у него происходит не на каких-то необыкновенных островах или в легендарных королевствах. Оно происходит в Америке, какой была эта страна очень давно, около двухсот лет тому назад.

Но прошло столько времени, Америка так изменилась, что читателям Купера она сегодня кажется чудесной или, может быть, вовсе небывалой страной. А ведь он рассказывал о жизни, следы которой мальчиком мог наблюдать в своих родных местах. В крохотном городке Куперстаун, штат Нью-Джерси, и его окрестностях.

Теперь на центральной площади этого города стоит памятник Кожаному Чулку, главному герою пяти книг Купера, навсегда сохранивших его имя для истории литературы. Самая ранняя из них, «Пионеры», появилась в 1828 году, три года спустя напечатан «Последний из могикан». А «Зверобой», заключительный том всей серии, увидел свет еще через семнадцать лет. Хотя по времени действия с этого тома и надо бы начинать, потому что тут воссозданы эпизоды молодости Натти Бампо. Это настоящее имя Кожаного Чулка.

Кроме этих трех книг, пятитомник включает романы «Прерия» и «Следопыт». Можно читать каждый из пяти томов как самостоятельное произведение. Но многих, наверное, увлекут судьбы героя, его друзей и противников. Значит, захочется прочесть весь посвященный им цикл. «Зверобой», с которым вы сейчас познакомитесь, — прекрасное начало. Сразу чувствуется, какой пленительный мир создал Фенимор Купер.

Когда-то эти книги покоряли и взрослых читателей, особенно в России. Нам уже нелегко представить, какой они пользовались популярностью в пушкинскую эпоху да и позднее, почти весь прошлый век. Журналы старались опередить друг друга, печатая переводы новых романов Купера. Наш великий критик Белинский признавался, что у него «еще не охладевшая кровь кипела от негодования», когда он читал, как «гносно добродетельное и честное общество торгашей» издевается над Натти, «человеком с голубиным сердцем в львиной груди».

Сохранился рассказ Белинского о его знакомстве с Лермонтовым, сидевшим на гауптвахте после дуэли, закончившейся для поэта ссылкой на Кавказ. Какой могучий талант, пишет Белинский, какая великая душа и — вот что знаменательно! — Лермонтов увлечен Купером, находя его выше многих и многих знаменитостей. И ведь так думал не один Лермонтов. Кюхельбекер, поэт, лицейский товарищ Пушкина, а затем декабрист, который провел несколько лет в одиночной камере, поддерживал твердость духа чтением, и Купер был для узника Свеаборгского замка одним из самых необходимых авторов. Для других декабристов — тоже: они постоянно упоминают персонажей Купера и знаменитые эпизоды из его романов в своей переписке. Есть и еще много свидетельств, что Купера воспринимали у нас очень серьезно, вовсе не как детского писателя.

Хотя и тогда детская аудитория была для него самой благодарной. А со временем она сделалась для Купера основной, если не единственной. Это вовсе не принижает его значения как писателя. Ведь выдержать испытание временем всегда непросто, но всего тяжелее — удерживать стойкий интерес юных читателей. Их ведь чаще всего увлекает что-то современное, знакомое из собственного опыта, либо уж седая старина, мир далеких преданий. А Купер — ни то и ни другое.

Тем не менее он сумел остаться интересным и в конце нашего века, как умел увлечь читавших его в старых русских журналах начиная с 1825 года, когда этого автора начали у нас переводить. Значит, он писатель на все времена.

В юности он был гардемарин. Он был им совсем недолго, и все-таки это важный эпизод в биографии Купера. Вот почему.

Америка, только к концу XVIII века ставшая независимой от Англии, вскоре опять оказалась в состоянии войны с британской короной, и война велась главным образом на море. Быст-

ро строился военный флот. Он был нужен не только для военных действий, но и для борьбы с пиратами, которые привольно себя чувствовали у пустынных в ту пору американских берегов. А еще приходилось бороться с работорговлей. По закону она была запрещена, но все равно невольничьи суда доставляли из Африки все новые партии живого товара, пока их не начали останавливать и обыскивать прямо посреди океана.

Вообще ранние годы американской истории заполнены событиями, связанными с морем. Китобойные шхуны из Нантакета, городка на острове неподалеку от Бостона, добирались до самых южных широт. Торговые суда под американским флагом можно было видеть во всех портах мира. Быть моряком — об этом тогда мечтали все американские мальчишки, и Джеймс Фенимор Купер, родившийся в 1789 году, не был исключением.

Он прожил на свете шестьдесят два года, и все эти годы его жизнь так или иначе была связана с морем. Хотя далеко по службе он не продвинулся, не получил офицерского чина, зато, став писателем, опубликовал несколько романов о моряках. Он создал жанр, который занимает почетное место в американской литературе.

Самый знаменитый из морских романов Купера называется «Лоцман». Под вымышленным именем там описан капитан Джон Пол Джонс, о котором в Америке знали все. В 1776 году, когда началась Война за независимость от Англии, этот морской волк снарядил корабль, наводивший страх на британские транспорты. Однажды он даже высадил десант на английское побережье: пусть не думают, что боевые действия будут всегда вестись на чужой территории.

Война за независимость окончилась в 1783 году. Она с детства волновала будущего писателя. О недавних бурных событиях часто говорили в доме его отца, провинциального судьи. Эта тема постоянно возникала в книгах, которые читал юный Купер, — записках, дневниках участников сражений. Но там обсуждалась лишь политика да стратегия генералов. А о том, что значили семь военных лет для рядовых солдат, сражавшихся за будущее Америки, впервые попытался рассказать Купер.

В 1821 году вышел его роман, называвшийся «Шпион». В нем рассказывалось о человеке, ненавидимом и презираемом всеми, поскольку считалось, что он поставлял информацию англичанам. Но на самом деле Гарви Берч не английский разведчик, он страстный патриот, оказавший неоценимые услуги

родной стране. И об этом известно лишь одному человеку — генералу Вашингтону, тому, в честь кого назовут американскую столицу. Тогда он командовал армией повстанцев, а затем стал первым президентом Соединенных Штатов.

«Шпион» впервые заставил публику обратить внимание на Купера. Автор проявил большую скромность, говоря о своих творческих целях: ему хотелось всего лишь «сделать американские нравы и картины американской жизни интересными для читателя». А на самом деле Купер добился гораздо большего. Он положил начало американскому историческому роману. Правда, описываемая им история была по времени совсем рядом, но все же сорок лет минуло с той поры, как совершал свои неведомые миру подвиги ее герой. Все, о чем повествовал Купер, сделалось прошлым: героическим, почти легендарным. Величественным и прекрасным.

Впоследствии Купер не раз писал о жизни, с которой соприкасался день за днем. Она ему не нравилась, и почти все его романы на современные темы представляют собой образцы сатиры. Теперь эти книги тяжело читать: они неуклюже написаны, их персонажи кажутся неживыми, а события — надуманными. Случалось, Купер допускал такие же промахи и в книгах, воссоздающих дела прошедших дней. Но там эти изъяны не так сильно чувствуются.

Совсем их избежать, видимо, было нельзя. Во времена Купера американская художественная проза делала лишь самые первые свои шаги. Поэты были в Америке и раньше замечательные, хотя не оцененные при жизни, и было немало мастеров, умеющих написать хлесткий, яркий памфлет, злободневную обличительную статью. А вот отечественный роман все еще оставался для американской публики чем-то непривычным. Американцы почему-то думали, что романы могут писать только европейцы: у них большие традиции, великие предшественники, настоящая культура, а в Америке ничего этого нет. Слишком это молодая страна, чтобы располагать серьезной литературой.

Кстати, Купер поначалу считал точно так же. Писателем он стал волей случая: просто заключил пари, что сумеет сочинить роман не хуже тех, которые печатаются в английских журналах. И по разным поводам он вечно сетовал на сложности, подстерегающие американских авторов там, где для англичан открыта широкая дорога.

В самом деле, о чем писать американцу, если он задумал выпустить в свет роман? Он сразу же столкнется с почти непреодолимой трудностью, которую создает «скудость материалов». Предания? Но в Америке их нет или они не собраны. Романтические истории из далеких времен? Однако «нет летописей, ждущих своего историка». Современные нравы? Они слишком мелки, ничтожны. Вот и выходит, что романисту в Америке приходится не легче, чем человеку, вознамерившемуся «добыть огонь из сыпучего песка». Такое «не под силу даже великану».

Великаном Купер не был: ни физическим, ни по масштабам своего дарования. Когда схлынуло первое увлечение его книгами, уже никто не стал бы его сопоставлять, как делал Белинский, с титанами литературы, например с Шекспиром. Ясно, что его талант намного скромнее. Но это настоящий талант. И поэтому, вопреки собственному неверию в то, что возможен американский роман, Купер его создал. Огонь им был добыт, пусть даже из не самого подходящего материала.

Впрочем, у этого материала было и свое неоспоримое достоинство: новизна. И Купер понимал это лучше всех. «Вот что на руку американскому писателю, — говорит он в одной своей статье, — новизна предмета, не лишенная очарования и вызывающая известный интерес». Этим преимуществом Купер сумел воспользоваться сполна.

Написал он очень много. Его творческая деятельность продолжалась тридцать лет — Купер умер в 1851 году, а первый свой роман издал в 1820-м, — и за это время он напечатал пятьдесят книг. Причем все они объемистые, в четыреста — пятьсот страниц. Он работал ежедневно, практически без выходных, хотя к этому его, человека достаточно состоятельного, не побуждала необходимость зарабатывать пером. Просто ему нравилось писать.

Многое из созданного им не пережило своей эпохи. Но несколько книг Купера с интересом читаются и по сей день: «Шпион», «Лоцман», еще один морской роман — «Красный корсар». А прежде всего — пять романов о Кожаном Чулке.

Действие в этих романах происходит на фронтире. Так называлась граница между территориями, на которых уже установилась цивилизованная жизнь, пришедшая с переселенцами из Европы, и необжитыми землями, где можно было встретить лишь бродячие индейские племена да вольных охотников вро-

де Натти Бампо. Эта граница не была стабильной. Цивилизация наступала, простор дикой природы сжимался. Через прерии — бесконечные американские степи — тянулись и тянулись повозки искателей незаселенных плодородных земель и просто богатств, которые, по слухам, валялись на Западе прямо под ногами. К концу жизни Купера фронтир уже придвинулся вплотную к тихоокеанскому побережью.

Но в те годы, на которые приходится жизнь его героя — примерно с 1745-го по 1805-й, — эта граница пролегла близости от родного штата Купера. И он хорошо знал обычаи, поверья, отношения, принятые в этой красочной среде, знал традиции, передаваемые тут из поколения в поколение. Еще важнее для писателя было раннее соприкосновение с индейцами. Им предстояло занять особое место среди его героев.

Издавая первый том своей серии «Пионеры», Купер написал к нему предисловие, где сказано, что в литературе выше всего ценится «строгая приверженность истине» и что плох писатель, который поддается искушению сплошной выдумки, не пытаясь «разрушить ее чары». Купер писал это искренне, однако сам следовал своему правилу не слишком строго. Он был романтиком. Ему трудно было сдерживать полеты фантазии.

Как все романтики, Купер тяготился той жизнью, которая его окружала, и грезил о другой — красочной, величественной, поэтичной. Америка его времени быстро превращалась в могучую индустриальную страну, в ней главные роли принадлежали коммерсанту и банкиру. Она поклонялась здравому смыслу и точному расчету, а Куперу все это было неинтересно. Он впал в негодование, видя, как легко наживают огромные деньги спекулянты землей. Какие варварские порядки установились в резервациях, куда сгоняют коренных обитателей этих мест — краснокожих. Какую головокружительную политическую карьеру делают люди, запятнавшие себя бесчестьем.

Из-под пера Купера не раз выходили резкие, беспощадные страницы, на которых бушуют его горечь и гнев. Но еще чаще побеждало стремление просто отвернуться от всей этой недостойной суеты, предавшись воспоминаниям о том, насколько увлекательнее и ярче были времена, когда верилось, что и в самом деле «Провидение предназначило Америке великую и славную судьбу», как был убежден герой «Шпиона» Гарви Берч.

И, рисуя эти времена, Купер поневоле многое приукрашивал. Во всяком случае, он изображал близкое прошлое так, что, по меткому отзыву Пушкина, истина оказывалась «закрашена красками воображения», а индейцы были представлены лишь «с их поэтической стороны». Иными словами, они больше напоминали героев без страха и упрека либо безликих злодеев, олицетворяющих коварство, а не делаваров и гуронов, какими те были на самом деле.

Многое тут объяснялось еще и тем, что Купер был писателем своей эпохи, ценившей в литературе вовсе не достоверность и убедительность картин, а скорее увлекательность развития событий и накал страстей. Никого не смущало, что действие в романах Купера развивается примерно по одной и той же схеме, которая обязательно требует таинственных предзнаменований, необъяснимых совпадений и драматических ситуаций, всякий раз заканчивающихся тем, что по чудесному стечению обстоятельств все устраивается как нельзя лучше. Чем более опасными и волнующими становились приключения героев, тем охотнее читали роман, как бы не замечая, что в нем немало натяжек, и что персонажи уж слишком похожи друг на друга, и что можно заранее предсказать, как будет развиваться интрига: героиня, безукоризненно добродетельная, непременно попадает в рискованное положение, но, конечно, будет спасена благородным героем, как с неба сваливающимся в самый последний момент.

Когда вкусы и литературные понятия переменялись, романы Купера стали вышучивать, считая, что они нелепы и неубедительны. Особенно им досталось от Марка Твена, написавшего знаменитые книги про Тома Сойера и Гека Финна. В конце прошлого века Твен читал вслух своим дочерям книжки Купера, и они его так раздражали, что как-то в один вечер он сочинил памфлет, не оставив от них камня на камне. Он назвал этот памфлет «Литературные грехи Фенимора Купера», и грехи оказались очень многочисленными: «Ни порядка, ни системы, ни последовательности, ни результатов». Мало того, «здесь нет жизненности, достоверности», а герои «всеми своими поступками и речами доказывают, что они вовсе не те люди, какими автор желает их представить». В общем, если верить Твену, это не проза, а сплошные трюки, которые ничего не стоит понять. Например, как только должно произойти что-то серьезное, кто-нибудь из персонажей Купера обязательно наступит на су-

чок, переполошив и врагов, и союзников. Можно бы, кажется, остеречься, повнимательнее смотреть под ноги, но у Купера сучок просто обязан предательски хрустнуть в самых неподходящих ситуациях. И Твен предлагал назвать знаменитый пятитомник не «Кожаный Чулок», а «Хрустнувший Сучок».

Оказаться мишенью критики Марка Твена убийственно и для писателей менее уязвимых, чем Купер. Но при всей своей злой наблюдательности Твен был явно пристрастен. Просто он не любил и не умел ценить романтиков. Приемы, которыми Купер действительно злоупотреблял, Твеном описаны безошибочно, однако напрасно он думал, что обилие таких приемов говорит лишь о писательской неумелости. Гораздо существеннее тут были требования жанра, который невозможен без напряженной интриги, пусть даже какие-то повороты действия выглядят искусственными. Он невозможен и без прямого столкновения настоящих героев с отъявленными злодеями, хотя в жизни почти не встретишь ни тех, ни других. Человек сложнее, чем такого рода типажи.

Но требовать от Купера абсолютного правдоподобия описаний — значит не считаться с законами его искусства. Лучше не иронизировать над этими законами, а постараться их понять. И тогда читатель будет щедро вознагражден.

История жизни Натти Бампо, которая проходит перед ним в пяти книгах, посвященных этому персонажу, — по-настоящему яркая история, и об Америке, еще не ставшей самостоятельным государством, она говорит очень выразительно. А разве можно противиться обаянию картин природы, которые рисует Купер, описывая бесконечные могучие леса, прозрачные озера, холодные ручьи с кристально чистой водой, простор прерии. Современники находили, что в этих описаниях он просто не знает достойного соперника. Их совершенно не смущало то обстоятельство, что чарующий пейзаж понадобился прежде всего в качестве фона, на котором снова и снова описываются единоборства, пленения, побеги, погони...

Не единожды Купер горько жаловался на то, что в Америке «печатник появился раньше писателя»: книг выходит много, а своей литературы нет. Куперу как раз и предстояло заложить ее основы. Конечно, он не мог не считаться с требованиями «печатника», думавшего только о том, как бы быстрее и выгоднее сбывать свой товар, и поощрявшего авторов, потакающих вкусу публики, которая привыкла к одним и тем же ходульным

приемам вроде переодевания, делающего героев неузнаваемыми. Но все равно литературный престиж произведений Купера оставался высоким.

И не могло быть по-другому. Он раньше всех понял, что жизнь на фронтире — неисчерпаемая и чисто американская тема. Может быть, действительность Америки и правда была однообразна, как считали европейские наблюдатели. Но никто не назвал бы однообразными и бесцветными тяготы переселенца, все дальше углубляющегося в прерии и леса, где его на каждом шагу подстерегают опасности, лишения, испытания, тревоги. Здесь открывалось множество захватывающих сюжетов. И Купер щедро черпал из этой сокровищницы, создавая свой цикл о Кожаном Чулке.

Поначалу он задумал не серию романов, объединенных этим персонажем, а просто большую книгу, где была бы рассказана вся его жизнь. Но замысел стал разрастаться по мере осуществления. В третьей книге, называвшейся «Прерия», Купер описал смерть своего героя, однако все равно продолжал о нем размышлять. И вернул его на сцену в «Следопыте», затем в «Зверобое».

Тут мы погружаемся в хронику юных лет Натти Бампо. Купер хотел объяснить читателям причины, заставившие его героя выбрать столь необычную судьбу. Что побудило совсем молодого человека отказаться от счастья, как его себе представляют другие, и даже пожертвовать любовью красавицы Джудит? Почему он предпочел вольную и одинокую жизнь, которая заполнена скитаниями, охотой и борьбой за справедливость?

Мотивы, по которым Натти принял такое решение, можно объяснить по-разному. Видимо, из первых же уроков жизни он вынес твердую уверенность, что в ней преобладает инстинкт захватчика, безжалостное подавление слабых, жестокость и алчность — чувства, которые, например, управляют поступками старого Тома Хаттера, отца Джудит. А Натти не хотел подчиняться таким порядкам. Он предпочел существование, полное лишений, зато вознаграждающее чувством свободы. И еще более желанным ощущением, что такая жизнь не на словах, а на самом деле подчинена высокому нравственному закону.

Это ощущение, очень стойкое у Натти, не обманывает его. Ведь и вправду он никогда не поддается низости. Даже противники-гуроны отдают должное его непоколебимому благородству.

Прочтите в «Зверобое», как Натти впервые оказывается принужденным убить врага. Тот действовал исподтишка, с коварством, так что Натти спасло только шестое чувство, каким обладают прирожденные стрелки. Но желание расправиться с поверженным врагом совершенно чуждо герою. Победив в честном поединке, он старается облегчить последние минуты краснокожего, хотя тот чуть не отнял у него жизнь.

Так Натти поступает всегда. Вот что он сказал молодому индейцу, подозревавшему, что охотник разрядит в него ружье: «Я знаю, теперь идет война между твоим и моим народом, но это еще не значит, что люди должны убивать друг друга, как дикие звери, встретившиеся в лесу». Сам он ушел в леса, чтобы жить в мире с собственной душой и с обитателями земли. А земля просторна, на ней хватит места всем. Война не нужна, но уж если она началась, недопустимо, чтобы сражения превращались в бессмысленную резню.

Натти верит, что о каждом будут судить по его делам. И хотел бы, чтобы о нем судили по охотничьим подвигам. Он так и говорит о себе: «Я только охотник». Одиноким охотником, которого наступление цивилизации заставляет уходить все дальше в глушь.

Он бежит от цивилизации, хотя и отдавая себе отчет в том, что убежать от нее, наверное, невозможно. Иногда Натти кажется подростком, не желающим взрослеть. Он боится обыденной жизни, какой жили люди его круга, и поэтому у него нет ни семьи, ни пристанища, ни обустроенного быта. Натти — вечный скиталец. Романтика странствий, приключения — так для него проходит год за годом, и он сам не замечает, как сделался стариком.

Эти странствия увели Натти прочь от родных мест, к Великим озерам и еще дальше на Запад. Натти прокладывает маршруты, какими затем пройдут бесчисленные другие герои американских романов и фильмов. Купер создал новый жанр, который получил название «вестерн»: захватывающий рассказ о еще не освоенных просторах американского Запада, о грубоватой, но вольной жизни переселенцев-пионеров, чудесной природе, воинственных индейцах... Со временем этот жанр утратил свою новизну и привлекательность: остались одна пальба да козни злодеев, которым противостоит хладнокровный ковбой. Однако под пером Купера жанр только складывается и очарование новизны все время осязаемо. Как осязатима и серьезность

конфликтов, к которым писатель прикоснулся в этой серии романов.

Ее действие начинается в заштатном городке, который собрал под своими бревенчатыми крышами переселенцев из всех стран Европы. И сразу обозначается «неизбежный закон», о котором писал Пушкин: «...так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации». Дикость — это индейцы, которых Купер изображает без всякой предвзятости, обычной в его время. А «неизбежный закон» создает драматический накал повествования.

Натти Бампо не способен молчаливо наблюдать насилие над природой и над истинными хозяевами земли — делаварами. Сам испытав на себе силу клеветы, «охотник ушел далеко на Запад — один из первых среди тех пионеров, которые открывают в стране новые земли для своего народа».

Путь Натти ведет к Скалистым горам, за которыми простирается прерия. Это был главный путь, по которому двигались пионеры. За повозкой переселенца тянулась хроника раздоров англичан с французами и кровавая летопись истребления, на которое обрекли индейцев. Приближается гроза, которая разразилась в 1776 году, с началом американской революции. А когда революция свершилась, яркая эпоха, воссозданная Купером, начала стремительно утрачивать ореол романтики. Верх взяли барышники, потеснившие и охотника, и фермера.

Вот отчего общий тон повествования Купера драматичен. И драматизм усиливается каждый раз, когда речь заходит о судьбе краснокожих. Будь то благородный Чингачгук, его храбрый сын Ункас или даже коварный Магуа, которому писатель тоже не отказывает в человеческом достоинстве, — обречены они все. Потому что наступает век индустрии и коммерции, а они к нему не приспособлены. Прогресс оборачивается гибелью особой, веками складывавшейся культуры, уничтожением целых племен и нравственным растлением уцелевших. Купер написал об этом прямо и без умолчаний. Гармония жизни, существовавшая до прихода цивилизации, исчезает. И эта потеря невосполнима.

А ведь Натти Бампо не только свидетель разыгрывающейся драмы — он ее прямой участник. Он словно разведывает пути для соотечественников, которые приносят с собой новые порядки. Получается, что Натти помог их установить. Но эти по-

рядки неприемлемы и непереносимы для него самого. И он вынужден все время уходить в недоступные чащобы, чувствуя, что цивилизация не в ладу со свободой и справедливостью. Ведь своекорыстие глубоко ему чуждо. Он вовсе не создан для конкурентной борьбы, не признающей жалости к проигравшим.

Сам этого нисколько не желая, Натти помог утвердиться такому миру, в котором для него нет места. Купер написал печальную книгу, пусть это не всегда замечают. И очень многое, как выяснилось со временем, он предвидел безошибочно, какими бы наивными ни выглядели сейчас те или иные его страницы.

Но и такие страницы у него по-настоящему поэтичны, увлекательны, покоряюще интересны. Оттого Купера и читают вот уже полтора ста лет.

А. М. Зверев

ЗВЕРОВОЙ,
ИЛИ
ПЕРВАЯ ТРОПА ВОЙНЫ

ГЛАВА I

...Есть наслажденье в бездорожных чашах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия — в прибое волн кипящих,
И голоса — в пустынной тишине.
Людей люблю — природа ближе мне,
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В своей душе весь мир огромный чую,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.
Байрон. «Чайльд Гарольд»¹

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням истории колонизации, период тот кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение наций к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах Американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как толь-

¹ Перевод В. Левика.

ко мы начинаем рассматривать его в перспективе времени.

Этот беглый взгляд на прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на восточных берегах Гудзона¹, как, например, Клаверак, Киндерхук и даже Покипси², не считались огражденными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани³, еще до сих пор сохранилась резиденция младшей ветви Ван-Ренселеров⁴ — крепость с бойницами, сделанными для защиты от того же коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду. Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне слывут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, рассказанные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по бе-

¹ Гудзон — большая река, берущая начало в Адирондакских горах и впадающая в Атлантический океан у Нью-Йорка. Получила свое имя в честь английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1609 году поднялся по реке до места, где стоит теперь город Олбани.

² Покипси — город на берегу Гудзона (в его нижнем течении). Основан голландцами в 1690 году.

³ Олбани — один из старейших городов США. Основан голландцами в 1614 году на берегу Гудзона. Теперь административный центр штата Нью-Йорк.

⁴ Ван-Ренселеры — крупные землевладельцы голландского происхождения. Обосновались недалеко от города Олбани еще в 1630 году.

регам Гудзона, от устья до водопадов вблизи истока, да несколько соседних областей по рекам Мохок¹ и Скохари². Широкие полосы девственных дебрей покрывали берега Мохока и простирались далеко в глубь Новой Англии³, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины⁴ туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если взглянуть с высоты птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими озерами и пересеченное извивающимися линиями рек. На фоне этой величественной картины уголок страны, который мы хотим описать, показался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наш рассказ в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается незыблемым. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего разума на познание законов, которыми управляется это бесконечное однообразие и вечное изменение. Столетиями летнее солнце обогревало своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже прячущимся

¹ *Мохок* — приток Гудзона, впадающий в него несколько севернее города Олбани.

² *Скохари* — приток Мохока.

³ *Новая Англия* — область в северо-восточной части США, прилегающая к Атлантическому океану. Она раньше всего была колонизована переселенцами из Англии.

⁴ *Мокасины* — индейская обувь из кожи, украшенная бисером, мехом и кусочками цветного сукна.

в земле упорным корням, прежде чем послышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, зеленый покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и пытались найти потерявшуюся тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то высокого роста человек выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, и частично под действием огня. Отсюда хорошо было видно небо. Сама поляна, почти сплошь заваленная стволами высохших деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена едва ли не вся эта местность.

— Вот здесь можно перевести дух! — воскликнул лесной путник, отряхиваясь всем своим огромным телом, как большой дворовый пес, выбравшийся из снежного сугроба. — Ура, Зверобой! Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

— Ты знаешь это место? — спросил тот, кого звали Зверобоем. — Или закричал просто потому, что увидел солнце?

— И по той и по этой причине, парень! Я узнал это местечко и очень рад, что снова вижу такого верного друга, как солнце. Теперь румбы компаса у нас опять перед глазами, и если мы еще раз собьемся с пути, то сами будем виноваты. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое место, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неделю «охотники за

землей»¹. Гляди: вот сухие ветви от их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нем, чтобы знать, когда наступает полдень: мое брюхо не уступит лучшим часам, какие можно найти в Колонии², и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого предложения оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда, простой, но обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажную роль в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик мужественной силы, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседой. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то чаще вспоминали его прозвище Непоседа, чем его подлинную фамилию. Нередко также называли его Гарри Торопыгой. Обе эти клички он получил за свою беспечность, порывистые движения и чрезвычайную стремительность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, отчего его и знали во всех поселках, разбросанных между британскими владениями и Канадой³. Шести футов четырех дюймов росту⁴, Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала

¹ «Охотниками за землей» называли в те времена людей, бродивших по девственным лесам Северной Америки в поисках плодородной земли. Найдя подходящий участок, «охотник за землей» вырубал и выжигал на ней лес и распахивал его. Собрав несколько урожаев, «охотник» забрасывал свой участок и вновь принимался бродить по лесу в поисках плодородных, еще не истощенных посевами земель.

² Колония — здесь: Олбани.

³ Канадой называли тогда французские поселения в Северной Америке на реке Святого Лаврентия.

⁴ Фут и дюйм — единицы длины, равные соответственно 30,5 и 2,5 см. Здесь около 190 см.

его гигантской фигуре. Лицо — под стать всему остальному — было добродушно и красиво. Держался он очень непринужденно, и, хотя суровая простота пограничного быта неизбежно сказывалась в его обхождении, величавая осанка смягчала грубость его манер.

Зверобой, как Непоседа называл своего товарища, и по внешности, и по характеру был совсем иного склада. Около шести футов росту, он выглядел сравнительно худым и тщедушным, но его мускулы обличали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную силу. Его молодое лицо нельзя было назвать особенно красивым, и только выражением своим оно подкупало всякого, кто брал на себя труд взглянуть в него более внимательно. Выражение это, свидетельствовавшее о простосердечии, безусловной правдивости, твердости характера и искренности чувств, было поистине замечательно.

Сначала даже могло показаться, что за простодушной внешностью скрывается затаенная хитрость, однако при ближайшем знакомстве это подозрение тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были еще очень молоды. Непоседе едва сравнялось лет двадцать шесть — двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Одежда их не заслуживает особого упоминания; надо только заметить, что она была сшита главным образом из оленьих шкур — явный признак того, что ее владельцы проводили жизнь в бесконечных лесах, на самой окраине цивилизованного общества. Тем не менее в одежде Зверобоя чувствовалась забота о некотором щегольстве, особенно заметная на оружии и на всем охотничьем снаряжении. Его карабин находился в полной исправности, рукоять охотничьего ножа была покрыта изящной резьбой, роговая пороховница украшена подобающими эмблемами и насечкой, а ягдташ обшит индейским вампумом¹. Наоборот, Гарри

¹ *Вампум* — разноцветные бусы из раковин, служившие североамериканским индейцам для украшений. Нанизанный на нить, вампум употреблялся в качестве денежной единицы. Вампум в форме пояса, или перевязи, заменял документы в общественных делах индейцев.

Непоседа, по свойственной ли ему небрежности или из тайного сознания, что его наружность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет кое-как, словно выражая этим свое презрение ко всяким побрякушкам.

— Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский¹ желудок: ты ведь говоришь, что тебя воспитали делавары! — крикнул Непоседа и подал пример товарищу, засунув себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. — Принимайся, парень, и докажи-ка лани своими зубами, что ты мужчина, как ты уже доказал ей это ружьем.

— Нет, нет, Непоседа, не так уж много мужества надо, чтобы убить лань, да еще в эту пору. Вот уложить дикую кошку или пантеру — это другое дело, — возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. — Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги. Застрелить оленя, конечно, еще не значит быть трусом, но для этого не нужно и особой храбрости.

— Делавары и сами не герои, — невнятно пробормотал Непоседа, у которого был полон рот. — Иначе проклятые бродяги-минги² не превратили бы их в баб.

— Этого никто толком не знает и не понимает, — сказал серьезно Зверобой, который мог быть таким же надежным другом, как его товарищ — опасным врагом. — Минги наполнили леса своей ложью и кривотолками. Я прожил с делаварами десять лет и знаю, что, если дой-

¹ *Делавары*, или ленни-ленепе, как они сами себя называли, — индейское племя, населявшее в XVII–XVIII веках долину Делавар и побережье Атлантического океана до нынешней Северной Каролины. Они создали могучий союз племен, боровшийся с ирокезским племенным союзом. Делавары по большей части выступали союзниками англичан.

² *Минги* — так презрительно называли делавары гуронов, или венандотов, принадлежавших к одной из групп ирокезских племен, живших в XVII–XVIII веках по берегам озер Онтарио и Гурона и реки Святого Лаврентия. Гуроны вели длительную борьбу с делаварами. Во время англо-французских войн они поддерживали французов.

дет до драки, они не уступят в храбрости любому другому народу.

— Слушай, мастер Зверобой, раз уж мы об этом заговорили, то почему бы нам не открыться друг другу, как мужчина мужчине? Ответь мне на один вопрос. Тебе так везло на охоте, что ты даже прославился. Но подстрелил ли ты хоть разок человека? Случалось ли тебе целиться во врага, который тоже способен спустить курок на тебя?

Этот вопрос вызвал в груди юноши своеобразную борьбу между желанием похвалиться и честностью. Чувства эти отразились на его простодушной физиономии. Борьба длилась, впрочем, недолго. Сердечная прямота восторжествовала над ложной гордостью.

— По совести говоря, ни разу, — ответил Зверобой, — для этого не представлялось подходящего случая. Делава-ры жили в мире со всеми соседями, пока я гостил у них, а я считаю, что человека можно лишить жизни только во время открытой и законной войны.

— Как? Неужели ты ни разу не накрыл с поличным какого-нибудь парня, воровавшего у тебя шкуры или дичь из капканов? Неужто ты не расправился с ним по-своейски, чтобы избавить соседей от хлопот, а виновного от судебных издержек?

— Я не траппер¹, Непоседа, — ответил юноша гордо. — Я добываю себе на жизнь карабином и с этим оружием в руках не боюсь ни одного мужчины моих лет между Гудзоном и рекой Святого Лаврентия. На шкурах, которые я продаю, всегда бывает еще одна дыра, кроме тех, что создала сама природа для зрения и дыхания.

— Ай, ай, все это хорошо на охоте, но никуда не годится там, где речь идет о скальпах и засадах! Подкараулить и подстрелить индейца — это значит воспользоваться его же собственными излюбленными приемами. К тому же у нас теперь законная, как ты говоришь, вой-

¹ *Траппером* называют в Америке человека, добывающего пушных зверей с помощью капканов и ловушек.

на. Чем скорее ты смоешь такое пятно со своей совести, тем спокойнее будешь спать хотя бы от сознания, что по лесу бродит одним врагом меньше. Я недолго буду водить с тобой компанию, друг Натти, если ты не найдешь зверя немного повыше четырех футов, чтобы попрактиковаться в стрельбе.

— Наше путешествие близится к концу, мастер Марч, и, если хочешь, мы расстанемся сегодня же вечером. Меня в здешних местах поджидает приятель, он не погнушается человеком, который еще не убил никого из своих ближних.

— Хотел бы я знать, что привело сюда этого проныру-делаваара в такое раннее время года? — пробормотал Непоседа с видом, одновременно выражавшим и недоверие и презрение. — И где, говоришь ты, молодой вождь назначил тебе свидание?

— У невысокого утеса на озере, там, где, как мне говорили, индейские племена сходятся, чтобы заключать договоры и закапывать в землю свои боевые топоры. Об этом утесе я часто слышал от делаваров, хотя мне самому и озеро и утес совершенно незнакомы. Этой страной сообщца владеют минги и могикане¹: в мирное время оба племени охотятся здесь и ловят рыбу, но одному Богу известно, что может там твориться во время войны.

— «Сообщца»! — воскликнул Непоседа, громко расхохотавшись. — Хотелось бы мне знать, что сказал бы на это Плавучий Том — Хаттер. По праву пятнадцатилетнего бесспорного владения он считает озеро своей собственностью и не уступит его без боя ни мингам, ни делаварам.

— А как посмотрят в Колонии на этот спор? Ведь земля должна иметь какого-нибудь владельца. Колонисты готовы поделить между собой пустыню даже там, куда они и носа не смеют показать.

¹ *Могикане* — индейское племя, жившее в нижнем течении Гудзона. Могикане входили в племенной союз делаваров. Племя это вымерло целиком.

— Так, быть может, делается в других местах, Зверобой, но только не здесь. Ни одна живая душа не владеет даже пядью земли в этой части страны. Перо никогда не прикасалось к бумаге, чтобы закрепить за кем-нибудь здешние холмы и долины. Старый Том не раз говорил мне об этом. Вот почему он требует, чтобы его считали здесь единственным хозяином. А если он чего-нибудь требует, то уж сумеет постоять за себя.

— Судя по всему, что я от тебя слышал, Непоседа, этот Плавучий Том не совсем обыкновенный человек. Он не минг, не делавар и не бледнолицый. По твоим словам, он владеет озером уже очень давно. Что же это за человек? Какой он породы?

— Старый Том скорее водяная крыса, чем человек. Повадками он больше походит на это животное, чем на себе подобных. Иные думают, что в молодые годы он гулял по морям и был товарищем известного пирата Кида, которого повесили гораздо раньше, чем мы с тобой успели родиться. Том поселился в здешних местах, полагая, что королевские корабли никогда не переплывут через горы и что в лесах он может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Он ошибается, Непоседа, очень ошибается. Человек нигде не может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Он, вероятно, думает об этом иначе. Я знал людей, которым жизнь была не в жизнь без развлечений; знавал и других, которые лучше всего чувствовали себя, сидя в своем углу. Знал людей, которые до тех пор не успокоятся, пока кого-нибудь не ограбят; знавал и таких, которые не могли себе простить, что когда-то кого-то ограбили. Человеческая природа очень причудлива. Но старый Том сам по себе. Награбленным добром, если только оно у него есть, он пользуется очень спокойно. Живет себе припеваючи вместе со своими дочками.

— Ах, так у него есть дочери! От делаваров, которые охотились в здешних местах, я слышал целые исто-

рии про этих молодых девушек. А мать у них есть, Непоседа?

— Когда-то была. Но она умерла и была брошена в воду года два назад.

— Как так? — воскликнул Зверобой, с удивлением глядя на товарища.

— Умерла и брошена в воду, говорю я — и надеюсь, что на достаточно чистом английском языке. Старик спустил тело жены в озеро, когда увидел, что ей пришел конец. Я могу это засвидетельствовать, потому что лично присутствовал при этой церемонии. Но хотел ли он избавиться себя от труда рыть могилу — что не так-то легко в лесу среди корней, — или считал, что вода лучше смывает грехи, чем земля, право, не берусь сказать.

— Должно быть, бедная женщина была большая грешница, если муж не хотел потрудиться для упокоения ее косточек.

— Не слишком большая грешница, хотя у нее были свои недостатки. Я думаю, что Джудит Хаттер была достойная женщина, насколько это возможно для женщины, жившей так долго вдаль от церковного звона, но, по видимому, Том считал, что потрудился для нее совершенно достаточно. Правда, у нее в характере было немало стали, и так как старик Хаттер — настоящий кремьень, то подчас между ними вспыхивали искры. Но, в общем, можно сказать, что они жили довольно дружно. Когда они начинали ссориться, слушателям удавалось порой заглянуть в их прошлое, как можно заглянуть в темные чащи леса, если заблудившийся солнечный луч пробьется к корням деревьев. Но я всегда буду почитать Джудит, потому что она была матерью такого создания, как Джудит Хаттер, ее дочка.

— Да, делавары упоминали имя «Джудит», хотя и проносили его на свой лад. Судя по их рассказам, не думаю, чтобы эта девушка была в моем вкусе.

— В твоем вкусе! — воскликнул Марч, взбешенный равнодушным и высокомерным тоном товарища. — Ка-

Содержание

<i>А. М. Зверев. Одинокий охотник</i>	5
ЗВЕРОБОЙ, ИЛИ ПЕРВАЯ ТРОПА ВОЙНЫ	17
<i>Перевод с английского Т. Грица</i>	

Купер Дж. Ф.

К 92 Зверобой, или Первая тропа войны : роман / Джеймс Фенимор Купер ; пер. с англ. Т. Грица. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 576 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-06011-1

Джеймс Фенимор Купер давно и прочно занимает место среди классиков американской литературы. Именно он считается одним из отцов американского романа. Именно он сумел найти и описать в своих книгах ту самобытность и неожиданную яркость недавно открытого континента, которая сумела заворожить всю современную Европу. Каждый новый роман писателя ждали с нетерпением. Захватывающие приключения бесстрашного и благородного охотника и следопыта Натти Бампо покоряли как юных, так и взрослых читателей. Предлагаемый в настоящем издании роман Купера «Зверобой», возможно самый знаменитый из всех, воссоздает эпизоды молодости великолепного героя.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС ФЕНИМОР КУПЕР
ЗВЕРОВОЙ,
ИЛИ ПЕРВАЯ ТРОПА ВОЙНЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Подписано в печать 10.01.2018. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 30,42. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AMC-13984-05-R